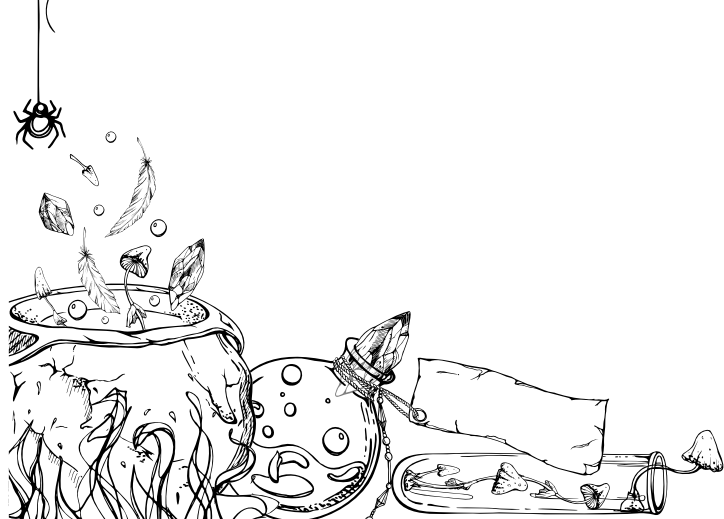

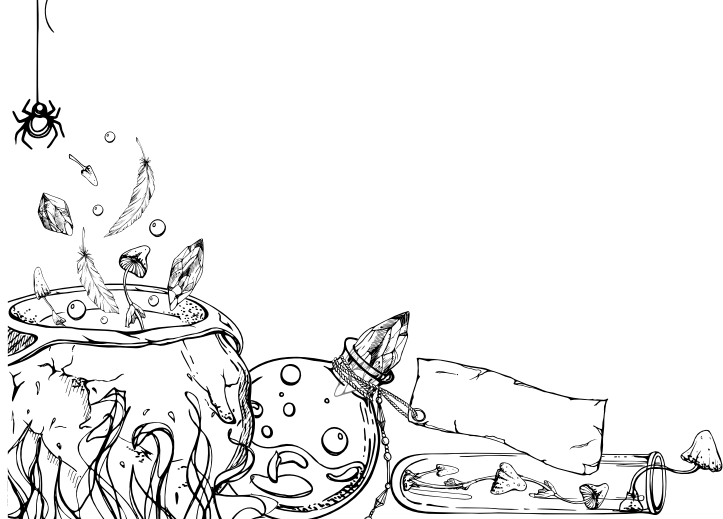

Оглавление

Глава 1. Ведьма второй категории.	7
Глава 2. Ивасики	31
Глава 3. В устье Лихоборки.	57
Глава 4. Лицензия для колдунов	78
Глава 5. Связи старые и новые	98
Глава 6. Леший	120
Глава 7. Сила противодействия	144
Глава 8. Допрос с пристрастием	166
Глава 9. Чайная фабрика	191
Глава 10. Гордиев узел	217
Глава 11. По душам	235
Глава 12. Доктрина Белоснежки	265
Глава 13. Ресурсы и резервы	291
Глава 14. Геометрия и змеи.	314
Глава 15. Аудиенция	333
Глава 16. Коса на камень	357
Глава 17. Слияние	376
Глава 18. Вместо эпилога	397

Для тех, кто не учил магию, мир полон физики.

Современный интернет-фольклор

Глава 1

Ведьма Второй категории

Она была ведьмой.

...этот вид деятельности считался вполне приемлемым занятием, и никто не мог сказать о ведьмах худого слова. Если хотел проснуться утром в том же обличье, в котором лёг спать.

Терри Пратчетт, «Творцы заклинаний»

— Уважаемые преподаватели, выпускники, гости, начинаем торжественное вручение дипломов Сибирской академии ворожбы и чародейства!

Зал, примерно наполовину заполненный разношёрстной молодёжью, азартно захлопал, кое-кто даже заулюлюкал. Директриса, нарядившаяся, как и большая часть представителей преподавательского состава, в традиционную мантию тёмно-зелёного цвета, неодобрительно покосилась на задние ряды...

Ксения Базанова

...Вопрос с мантиями всплыл на последнем экзамене, когда коротать время до своей очереди уже было нечем, а сил штудировать в тысячный раз конспект по методике составления заклятий и теории их воздействия на одушевлённые и неодушевлённые объекты уже не осталось.

— А давайте мантии закажем на вручение дипломов!

Кто это ляпнул — никто даже не заметил, но паратройка девочек захлопали в ладоши, а кто-то из парней даже стал предлагать варианты магазинов с приемлемыми ценами. Впрочем, большинство отнеслось к этой идее весьма скептически.

Лиза Дивеева, миловидная скромная барышня, покрутив кудрявой головкой, поймала мрачный взгляд Софьи Лариной, демонстративно уткнувшейся в толстую, исписанную вдоль и поперёк тетрадку.

— Ты хочешь мантию?

— Нет, — хмуро отрезала Соня. Лиза в ответе не сомневалась.

— Ну и правильно!

В итоге никаких мантий, конечно, никто не заказал, на вручение дипломов все явились кто во что горазд и теперь, не слушая торжественные речи преподавателей, обсуждали самую животрепещущую на этот момент тему — завтрашнее распределение.

— Идиотский пережиток! — заламывала руки красавица Эля Данченко. — Зачем это нужно?! У моей тёти в нашем городе свой ковен ведьм. Она взяла бы меня к себе. А теперь три года терять! И неизвестно где!

— А я на шоу хотела... Где экстрасенсы...

— Ты что?! Нам это запрещено!

— А мне пофиг, чем заниматься, лишь бы ни фиги не делать...

— Это тоже запрещено!

Лихоборы

— Зануда ты, Кузя!

Алиса Кузина по прозвищу Кузя надулась и поправила круглые, на пол-лица очки в тонкой оправе. Ей уже предложили место младшего преподавателя в Академии, и распределение было для неё чистой формальностью. Но рассказывать об этом ей было... Правильно, запрещено.

— Твоя тётя могла бы заявление написать, — напомнила Эле её заклятая подруга Рита Харина. — Значит, нафиг ты ей сдалась...

— За языком следи! — взвилась Данченко. Началась обычная свара, которую прервал оглушительный звук гонга. Это был любимый приём директрисы Академии Александры Романовны Мироненко, которая могла стерпеть, если мимо ушей пропускали чьи угодно слова, но не её собственные. Рита со вставшими дыбом искрящимися волосами и Эля, у которой от макушки шла тонкая струйка дыма, зажали уши ладонями и повернулись к сцене.

— Наконец-то меня всем слышно и видно, — с удовлетворением заявила Александра Романовна. — Вот и настал этот день, которого мы ждали десять лет...

Десять лет — это действительно очень долго... Вообще весь период обучения в Академии и подобных институтах, которых на территории России было не меньше дюжины, делился на две части по пять лет каждая: очная и заочная соответственно. Вторая пятилетка предполагала, что молодые ведьмы и колдуны покидают студгородок и возвращаются домой, но два раза в год приезжают на сессию, которая длилась в среднем недели три-четыре. В общем, выглядело это примерно как получение двух стандартных человеческих высших образований подряд.

Ксения Базанова

— ...Двадцать шесть лет — прекрасный возраст для начала волшебной жизни! — вдохновенно вещала директриса. — Что?.. Ах да... Двадцать три — тем более!

Соня Ларина сморщила нос, наклонила голову и, обнажив верхнюю губу, оскалилась. Заметила это только Алиса, которая, вздрогнув, поспешила тут же отвернуться.

Действительно, подавляющее большинство выпускников в этом году справили двадцать шестой день рождения. Практически у всех ведьм и колдунов сила обычно пробуждалась в шестнадцать, после чего юное дарование автоматически зачислялось в один из волшебных вузов необъятной страны — причём не по месту жительства, а практически рандомно, где оставалось место. Конечно, больше везло родившимся осенью и зимой. Весенние и летние детишки довольствовались оставшимися свободными местами. Ведьма из Калининграда легко могла оказаться в Дальневосточном институте тонких материй и заодно постигать тайны восточных магических практик, а колдуна из Крыма запросто отправляли в Заполярный университет теургии и волшбы, где тот, помимо всего прочего, вникал в тайны методики прикладного шаманства.

Сама Алиса Кузина втайне гордилась тем, что на курсе являлась самой младшей. Сила в дочке практикующей ясновидящей и таролога пробудилась, как у всех вундеркиндов, в тринадцать лет. Это Алисоньку воодушевило настолько, что она быстро стала одной из лучших учениц курса и слыла среди однокашников страшной занудой. Μααявку, несмотря на все её знания и оценки, редко воспринимали всерьёз, и это больно било по Кузиному самолюбию. Зато теперь, начиная карьеру на три года раньше, чем все...

Лихоборы

Алиса снова покосилась на Соню, которая исподлобья тарасилась на вещавшую директрису. Ларина на курсе была самой старшей. На момент поступления в Академию она уже была ровесницей некоторых выпускников-вундеркиндов. Кто-то из однокурсников в это не верил, некоторым это показалось забавным, и они не преминули позубоскалить на этот счёт... Это было их первой ошибкой в стенах Академии. Но тогда Софья сделала вид, что её не тронули злые насмешки и унижительные замечания.

Не прошло и двух недель, как у обоих весельчаков — красавца Андрея Смолина, наследника одной из крупнейших магических семей Поволжья, и — вот ужас! — Наташи Потвориной, внучки знаменитого мурманского ведуна, — начали расти бороды. Роскошные, густые, чёрная и рыжая соответственно. Бороды, которые могли бы стать гордостью любого пирата или волшебника. Незадачливые маги прямо с урока метнулись в медпункт, но... Быстро выяснилось, что это не случайность (подобное в Академии иногда происходило, особенно среди первокурсников, дорвавшихся до магической практики), а самое настоящее воздействие извне — парочку элементарно кто-то заколдовал. Причём ни один преподаватель Академии не в состоянии снять заклятье — так мастерски оно было наложено. И дело было вовсе не в уровне магических сил и способностей.

— Колдовал мощный теоретик и практик структурного воздействия, — авторитетно заявила Ксения Александровна Раевская, доцент кафедры методики метаморфозной магии. — Ну или гений. Или и то, и другое.

— Странно, — бормотал профессор Иволгин, лучший специалист по заклинаниям во всей Сибири, —

Ксения Базанова

я не могу отследить заклятье. Этот колдун не оставил «хвоста»... Мало кто способен... Все обычно забывают...

— Или ведьма, — мрачно добавила директриса Мироненко, щупая бороду рыдающей Наташи. — Скорее всего, ведьма...

— Почему, Александра Романовна?

— Печёнкой чую, Ксюша! Заклинание отложенное... ну... недели две... может, десять дней. Без «хвоста», необратимое... Зато синхронное — это косяк. Ну и явно «тёмное»... Вот, видите след, коллеги? То-то. Ну и коварство, пардон, чисто женское... Мужик бы до такого не додумался, извини, Сергей Палыч. Значит, тёмная ведьма, курса с третьего-четвёртого...

— Пятого, — вставила Раевская.

— Да... Вспоминайте, кому насолили, — устало посоветовала директриса Андрею и Наташе.

Они не смогли вспомнить.

Смолин быстро взял себя в руки, нашёл, что борода ему даже идёт, если стричь её примерно каждый час. Наташа же заперлась в комнате общежития, на занятия не ходила и безостановочно плакала и брилась. Через месяц с небольшим бороды внезапно прекратили рост, а к первой сессии от них остались только жёсткие щетины.

В том, что бороды — дело рук Сони Лариной, Раевская была практически уверена с самого начала, а во время сессии убедилась окончательно. Впрочем, историю так быстро замяли, что Ксения Александровна даже не поделилась своими подозрениями с директором. Вместо этого доцент позволила Софье писать у себя курсовую — и осталась довольна. Вообще Раевская была одной из немногих преподавателей, с которыми у студентки Лариной сложились нормальные отношения.

Лихоборы

— Рано вам ещё это знать! Этого вы не знаете! Это вы вообще не скоро поймёте! — любила повторять на своих занятиях Анна Львовна Кирина, молодая ведьма, обучавшая студентов первичной системе составления заклинаний — элементарной магической дисциплине, которую всем было лень преподавать.

— Я ничего не поняла, — ныла после первого занятия Катенька Щукина, потомственная белая ведьма. — Она сама-то понимает, что объясняет?

Курс сочувственно загудел на весь коридор.

— Идиотизм!

Несколько человек с любопытством обернулись. За первую неделю в Академии мало кто вообще слышал голос мрачной, вечно одетой в чёрное Сони Лариной. Тем более от неё не ожидали такого эмоционального комментария.

— Два плюс два — четыре, два плюс три — не скажу, рано вам ещё, домашка — логарифмы! — продолжала бушевать Софья, в принципе ни к кому конкретно не обращаясь, но слушали все. — Ладно же...

Что означает Сонино «ладно же», все поняли на следующей паре Кириной, когда на её вопрос Ларина флегматично отказалась отвечать.

— Мне это ещё рано знать, — отрезала она.

Кирина, между прочим ровесница Софьи, просияла.

— Ага! Не знаете!

— Знаю, — сумрачно отрезала Соня. — Но не скажу.

Кирина растерялась. Она привыкла, что называется, производить впечатление, водить своеобразную дружбу с такими же, как и она, гламурными ведьмочками-студентками и особенно к тому, что её, несмотря на возраст, воспринимают с трепетом и относятся к ней с пиететом.

Ксения Базанова

Слова «пиетет» в Сонином словаре не было.

— Марш к доске! — рывкнула Кирина, разваливаясь в кресле. Она обожала терзать двоечников перед всем курсом. Иногда это растягивалось на полпары и нередко заканчивалось слезами наименее стойких.

Ларина молча скользнула к доске, схватила мел и быстро-быстро начала строчить формулы. Преподавательница приоткрыла рот. Эля Данченко, успевшая заделаться «подружкой» Кириной, чуть не взлетела над партой от восторга, предвкушая скандал. Аудитория оживлённо зашушукалась.

— Формулы за первый семестр, — сообщила Соня, тыча мелом в левую половину доски. — Формулы за второй семестр. — Она указала на правую сторону доски.

— Вам... тебе рано это знать! — пискнула оглушённая Кирина, быстро водя длинноватым носом по формулам, едва не касаясь доски.

— Поздно, — трагически отозвалась Софья и положила мел на место.

— А это! Это формула второй ступени!

Пару секунд обе ведьмы таращились на длинную символьную фразу. Первой опомнилась Софья.

— Пардон. — Взмах тряпки — и формула исчезла. — Действительно, это... рано пока.

Кто-то хихикнул. Кирина пошла пятнами.

— Вон из аудитории! И чтоб я тебя больше здесь не видела! — Изо рта преподавателя вылетела капелька слюны, чудом не угодив Соне в лицо. Ларина спокойно сгребла свои вещи в рюкзак и вышла.

Когда перед сессией до директрисы дошло известие, что студентка первого курса Ларина не посетила ни одного занятия по первичной системе составления заклинаний, а также не сдала ни единого домашнего задания,

Лихоборы

она немедленно вызвала Софью к себе. Та явилась не одна, а в компании толстой папки с кучей рефератов, эссе, перечней формул и одной научной статьёй.

— Анна Львовна запретила посещать её занятия, — спокойно пояснила первокурсница. — Домашние задания не принимала. Можно сдать зачёт другому преподавателю?

Кирина была немедленно вызвана на «очную ставку». На ковре у директора она продолжила брызгать слюной, поражаясь наглости и хамству Сони, не забыв упомянуть, что формулы, которыми Ларина исписала доску в тот приснопамятный день, до сих пор не представляется возможным удалить никакими средствами.

Соня молчала.

Кирина вопила за двоих.

У Мироненко заболела голова.

— Хватит, — махнула она наконец рукой. — Анна Львовна, вы не имели права не пускать студентку на занятия и не принимать задания... Софья, на зачёт придёшь к Анне Львовне в общем порядке. Анна Львовна, спасибо, идите.

— Её исключить мало! — взвизгнула немного отдохнувшая Кирина. Директриса нахмурилась.

— Вы прекрасно знаете, что это невозможно, — отчеканила она. — Ларина, иди, сотри эти формулы.

— Не обучена.

Обе женщины застыли, переглянулись. Первой отмерла Кирина.

— Видите? — взвизгнула она. — Видите, как она разговаривает?! Негодная...

— Аня! — одёрнула её Мироненко, буквально силой выводя из кабинета. Соня осталась одна.

— Александра Романовна...

Ксения Базанова

— Что значит — формулы не стираются? — зашипела директриса прямо в лицо своей бывшей студентке. — То есть писать формулы затычным шрифтом ты их научила, а стирать...

— Я не учила!

— Тихо! — Александра Романовна сделала большие глаза и указала на закрытую дверь, за которой всё ещё находилась Соня.

— Я не учила, — шёпотом повторила Кирина. — Она сама! Ещё и нахамила!

— Как сама? Как нахамила?

— Ну... — Анна Львовна смутилась. — Я её вызвала к доске, а она давай строчить... Учебник наизусть небось выучила, специально, чтоб меня позлить! Ещё и одну формулу второго порядка накарябала!

— И?

— Всё... — стушевалась Кирина.

Директриса подняла указательный палец и постучала им себе по лбу.

— Я предупреждала, что держу тебя на ставке только потому, что эти формулы никто больше преподавать не хочет! — вполголоса, но жёстко напомнила она. — У меня уже в печёнках твои выходки, панибратство со студентками, работа на «отшибись». Сопливая первокурсница тебя уделала перед всей аудиторией! Ты совсем уже, что ли?..

Кирина сопела.

— Анька, поставь ей автомат — и с глаз долой, — устало закончила Александра Романовна. — Да и сама... Найди себе место... Не твоё это — преподавать...

— Ну и что это за выходки? — сердито спросила директриса у Сони, спровадив Анну Львовну. Та лишь смотрела в упор. Мироненко вздохнула.

Лихоборы

— С таким характером... — вздохнула Александра Романовна. — Ладно, пошли, уберёшь свои формулы...

Две минуты спустя Софья перед полной аудиторией и обалдевшей Кириной, незаметно сдавив тряпку в руке, стёрла свои записи, уже успевшие стать притчей во языцех, без следа. Студенты разинули рты.

— Как?! — вопрошала директриса, вытолкав Ларину из аудитории. — Просто объясни — как?!

— Просто замкнула их на себе — и всё, — буркнула Соня. Александра Романовна шумно выдохнула.

— Иди, Софья, — разрешила она, а после, глядя на удаляющуюся спину студентки, добавила себе под нос: — А эта двоечница даже не смекнула... Ну, Анька...

Само собой, эта история облетела Академию со скоростью звука. Большинство студентов были уверены, что Кирина будет мстить Соне, опозорившей её перед всем институтом, однако инцидент посчитали исчерпанным.

Всё было бы гораздо проще, если бы студентов можно было отчислять. Однако это было чревато появлением в обществе абсолютно несоциализированной ведьмы или колдуна, которые либо ещё не научились контролировать силу, либо затаили бы злобу на всех и вся. Поэтому даже самых злостных хулиганов и разрушителей, если, конечно, дело не попадало под статью — магическую или обычную, — наказывали, но не отчисляли. А после института они ещё и получали гарантированную работу на три года, в лучших традициях Советского Союза, где и появилось это правило. По истечении этого срока выпускник мог остаться на прежнем месте, а мог податься, куда ему было угодно. И у Александры Романовны Мироненко после случая с формулами закралась мысль, что «пристроить» Соню

Ларину будет ох как непросто. В том, что она всей Академии ещё даст прикурить, директриса не сомневалась.

На самом деле всё оказалось не так плохо. Училась Софья хорошо. Нет, **ОЧЕНЬ** хорошо. Зубрилкой и выскочкой при этом не была. Если спрашивали — отвечала всегда, но руку тянула, только если весь курс, потупив очи долу, молчал. Ларина презрительно обводила однокурсников долгим взглядом и, как бы нехотя, медленно поднимала руку, будто делая всем одолжение. Самое интересное, что это никого не бесило. Большинство были только рады, что их не трогают. Но упаси Господь кому-то было зацепить Софью по-настоящему... Начинался сущий цирк с конями.

Как-то раз на четвёртом курсе, на практическом занятии по изготовлению отваров и зелий, когда хипповатая и вечно чему-то радующаяся Ирина Леонтьевна упорхнула по «важным делам», оставив семнадцатилетнюю Алису Кузину за старшую, мирная размеренная беседа обо всём на свете под стук поварёшек о стенки котлов неожиданно приняла опасный оборот. Эля Данченко, просеивая над своим варевом толчёные кости летучей мыши, имела неосторожность ляпнуть что-то на некую серьёзную тему, касающуюся не то экономики, не то политики, не то истории... Кто-то хихикнул, кто-то молча поддержал, кто-то кашлянул многозначительно. В неловкой паузе раздался голос Сони Лариной. Она вполне вежливо заметила, что в силу юного возраста и недостаточного жизненного опыта Эле стоит воздержаться от рассуждений на подобные серьёзные темы, ибо в таких вещах Данченко категорически некомпетентна. Пауза из неловкой стала мхатовской. Не вполне разобравшись в опрокинутой на неё сложной синтаксической конструкции, Эля всё же скумека-

Лихоборы

ла, что её обозвали идиоткой и велели прикусить язык, и ринулась в бой. Умилительно округляя глаза, поражаясь Сониной грубости, нервно хихикая в притворном ужасе, она посоветовала Софье засунуть её, ларинское, мнение куда поглубже. Соня, не отрываясь от нарезки корня повилики, заметила, что подобными заявлениями, а также острой реакцией на конструктивную критику Эля нивелирует свой образ образованного человека из интеллигентной семьи. Данченко поняла только то, что кто-то оскорбил её мать, и схватилась за нож для шинкования борщевика. Ларина, наконец соизволившая поднять взгляд от своего отвара, посоветовала однокурснице умерить пыл, впредь не рассуждать о том, чего не понимает, а на досуге полистать какую-нибудь умную книгу. Эля, к удивлению и разочарованию многих, спор продолжать не стала, однако ровно за пять минут до конца пары, когда большинство студентов уже сняли свои зелья с огня и с нетерпением ждали куда-то провалившуюся Ирину Леонтьевну, Данченко, будто что-то вспомнив, подскочила к Сониному котлу и смачно в него плюнула. Светло-жёлтый отвар зашипел, как газировка, рвущаяся наружу из бутылки, которую энергично встряхнули, и моментально приобрёл болотный цвет. Все, кто это заметил, ахнули — зелье было чрезвычайно сложным, оценка за него могла напрямую повлиять на семестровую.

— Капец у тебя слюна ядовитая! — прозвучал в относительной тишине восхищённый голос Андрея Смолина, лучшего друга Эли.

Тут уже замерли все, прекрасно понимая, что Софья либо разорётся и кинется на Элю с кулаками, либо заплачет — третьего не дано. Никто не знал, какой вариант предпочёл бы лично он...